
18+
ДЕКОНСТРУКЦИЯ СМЕРТИ
Никита Мироненко

Никита Мироненко

Деконструкция смерти

«Издательские решения»

Мироненко Н.

Деконструкция смерти / Н. Мироненко — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.Цивилизация тратит триллионы на то, чтобы спрятать биологический факт: человек — это хрупкий белковый носитель, подлежащий гарантированной утилизации.«Деконструкция смерти» последовательно разрушает главные рубежи человеческого самообмана: от клинических поломок чувства «Я» (бред Котара) и химического камуфляжа похоронного культа до техно-иллюзий кремниевого бессмертия и заморозки поврежденных клеток. Без метафизики. Без надежды. Чистый рациональный аудит неизбежного.

© Мироненко Н.
© Издательские решения

Содержание

Деконструкция смерти 6
ГЛАВА ПЕРВАЯ 7
I. О невидимой броне, которой не существует 8
II. О двух миллиметрах до аппаратного сбоя 9
III. О корабле Тесея и ежедневном стирании 10
IV. О социальном гипнозе прочности 11
V. Слепая лотерея: логика вытянутого шара 12
Апофегма 13
ГЛАВА ВТОРАЯ 14
I. О галлюцинации главного героя 15
II. О мифе «несвоевременности» 16
III. Физика не знает ненависти 17
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Деконструкция смерти

Никита Мироненко

© Никита Мироненко, 2026

ISBN 978-5-0071-8130-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Деконструкция смерти

«Любой ужас перед небытием, будучи облечён в лингвистическую форму, неизбежно теряет свою подлинную плотность. Язык одомашнивает хаос, превращая аннигиляцию в синтаксис. Но способен ли этот же самый инструмент, будучи заточён до абсолютной стерильности, заставить живое мясо заглянуть в точку собственного окончательного отключения?»

Передать смерть как «состояние» невозможно — это оксюморон.

Но я продемонстрирую вам полную механику бессилия: покажу, что каждую секунду жизни таймер энтропии неумолимо списывает ресурс носителя, а всё, что ты называешь своим разумом, — лишь временный шум перед окончательным отключением питания.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Стеклянный скафандр: статистическая галлюцинация безопасности

I. О невидимой броне, которой не существует

Прямо сейчас, пока твои зрачки скользят по этим строкам, твой мозг совершает непрерывную, фоновую работу по поддержанию фундаментальной иллюзии. Он генерирует ощущение защищённости.

Это базовый когнитивный интерфейс млекопитающего. Ты сидишь в тёплом помещении, за закрытой дверью, твоё дыхание ровно, гравитация удерживает тело на опоре, а пульс не превышает нормы. Пользовательский софт рисует перед сознанием плотную, почти осязаемую картину: *«Прямо сейчас со мной ничего не происходит. Я нахожусь в безопасности. Реальность под контролем»*.

Но безопасность — это не физическое свойство вселенной. В таблице фундаментальных взаимодействий, в законах термодинамики и в уравнениях квантовой механики нет такой переменной, как «безопасность». Это сугубо биологическая слепота — адаптивное отключение сенсоров тревоги, необходимое для того, чтобы нервная система примата не сгорела от перегрузки в первую же минуту бодрствования.

Ты путаешь временное отсутствие летального воздействия с наличием защиты.

У тебя нет никакой брони. Ты находишься внутри хрупкого, нестабильного белкового скафандра с толщиной внешнего барьера в полтора миллиметра эпидермиса, окружённого триллионами тонн слепой, двигающейся материи, готовой раздавить эту конструкцию без малейшего умысла.

Единственная причина, по которой ты ещё дышишь, заключается не в том, что ты защищён, а в том, что смертоносные векторы среды в эту конкретную секунду случайно направлены по другим координатам.

II. О двух миллиметрах до аппаратного сбоя

Ум привык искать угрозу снаружи: хищники, катастрофы, оружие, яды. Это атавизм саванны. Эволюция научила зрение сканировать горизонт на предмет силуэтов врагов, но оставила мозг абсолютно слепым к тому, что происходит под черепной коробкой.

Самый короткий путь к небытию всегда проложен внутри самого носителя.

Прямо сейчас по замкнутому контуру твоих сосудов под давлением циркулирует около пяти литров жидкости. Чтобы перечеркнуть твою личность, воспоминания, планы на вечер и всё, что ты считаешь собой, не нужен взрыв или падение метеорита. Достаточно сгустка фибрина диаметром всего в два миллиметра.

Оторвавшийся тромбоцит, застрявший в узком русле средней мозговой артерии, отсекает приток глюкозы и кислорода к группе нейронов. Через сорок секунд прекращается генерация электрических импульсов. Через три минуты начинается необратимый лизис клеток. Префронтальная кора, секунду назад рассуждавшая о карьере и идеалах, превращается в размягчённую, остывающую органическую кашу. Без боя. Без предупреждения. По чисто гидродинамическим причинам.

Пока ты читаешь это предложение, в твоём теле делятся десятки миллионов клеток. Каждая репликация ДНК — это сложнейший ферментативный процесс, в котором неизбежно возникают ошибки копирования. Прямо в этот миг ферменты репарации судорожно исправляют сбои в нуклеотидных цепочках. Если один из контрольных белков даст осечку, запустится клон аберрантной клетки с отключённым протоколом апоптоза — программа неконтролируемого деления, которая сожрёт носитель изнутри через восемнадцать месяцев.

Ты не «живёшь в безопасности». Ты ежесекундно балансируешь на острие миллиона химических реакций, каждая из которых может пойти не по регламенту. Твой биологический скафандр сделан не из титана — он собран из тончайшего, легко бьющегося стекла, работающего при критической температуре.

III. О корабле Тесея и ежедневном стирании

Самый изящный трюк пользовательского интерфейса — это поддержание веры в непрерывность твоего существования.

Примат панически боится момента, когда его «Я» перестанет существовать. Он не замечает, что этот процесс уже происходил с ним многократно — как на физическом, так и на информационном уровне.

Взгляни на снимок пятилетнего ребёнка, носящего твоё имя. Культура уверяет, что это «ты в детстве». Но с точки зрения молекулярной биологии этот ребёнок мёртв. Каждые семь-десять лет клеточный состав человеческого тела обновляется практически полностью. Ни одного атома углерода, ни одной белковой молекулы, составлявших ткани того пятилетнего существа, физически не осталось в твоём текущем скафандре. Тот носитель был полностью разобран, утилизирован и заменён новым биологическим материалом. От него осталась лишь повреждённая запись в долговременной памяти — текстовый лог, перезаписанный тысячи раз.

Ещё более радикальное обнуление происходит каждую ночь.

В фазе глубокого сна без сновидений (*NREM-сон*) синхронная электрическая активность коры падает. Генерация непрерывного «Я» полностью прекращается. Процессор выключает симуляцию личности. В этот момент тебя не существует — нет наблюдателя, нет субъекта, нет мыслей. Каждое утро префронтальная кора принудительно собирает личность заново: подгружает из гиппокампа обрывки воспоминаний, сверяет социальные роли, натягивает маску имени и запускает скрипт: *«Я проснулся, я продолжаюсь»*.

Ты боишься остановки машины, не осознавая, что твой «субъект» — это не монолитный провод, а дискретная череда вспышек. Тысячи версий тебя уже стёрты временем без следа. Финал не сделает ничего принципиально нового — он просто отменит утреннюю загрузку архива.

IV. О социальном гипнозе прочности

Чтобы не сойти с ума от осознания этой анатомической хрупкости, макро-муравейник выстроил второй эшелон психологической анестезии — цивилизационный комфорт.

Примат заходит в железобетонную коробку квартиры, поворачивает стальной ключ в замке, включает свет и падает на диван. В его интерфейсе загорается зелёный маркер: *«Я дома. Я в укрытии»*.

Это чистая магия синтаксиса. Бетонные перекрытия над твоей головой весят десятки тонн и держатся на усталостной прочности арматуры. Замок на двери защищает только от таких же социально дрессированных приматов, соблюдающих негласный протокол. Он абсолютно прозрачен для пожара, утечки метана, короткого замыкания в распределительном щитке или сейсмического сдвига пластов.

Ты выходишь на пешеходный переход, когда загорается зелёный сигнал светофора. Ты делаешь шаг на асфальт с абсолютной уверенностью, что поток машин остановится. Но светофор — это не силовое поле. Это просто лампа, испускающая фотоны определённой длины волны. Она физически не способна остановить две тонны штампованной стали, несущиеся со скоростью девяносто километров в час, если у водителя за рулём случился эпилептический припадок, отказали гидравлические тормоза или заклинило рулевую рейку.

Вся инфраструктура мегаполиса держится на хрупком коллективном соглашении миллионов незнакомых тебе особей не совершать критических ошибок. Достаточно одному звену в этой цепи дать сбой — и иллюзия «гражданской безопасности» разлетается на куски под действием чистой кинетической энергии.

Законы физики не подписывали административных соглашений с городским муниципалитетом. Гравитации всё равно, кто прав по правилам дорожного движения. Кинетической энергии безразличны твои моральные заслуги. Металл сминает плоть с той же безучастной лёгкостью, с какой пресс давит пустую консервную банку.

V. Слепая лотерея: логика вытянутого шара

Причина, по которой ты всё ещё жив и способен воспринимать этот текст, математически тривиальна.

Представь мешок, в котором лежат миллионы шаров. Подавляющее большинство из них — белые. Они означают: «система продолжает работать ещё одну секунду». Но среди них хаотично перемешаны чёрные шары:

— Тромб в легочной артерии.
— Сорвавшийся с крыши пласт наледи.
— Пьяный водитель на перекрёстке.
— Случайная мутация в лимфоузле.
— Слепая пуля, рикошет, отказ проводки, упавшая опора, аневризма.

Каждую секунду своего существования твой соматический носитель вслепую опускает руку в этот мешок и вытягивает один шар.

Пока ты тянешь белый — твой процессор самодовольно регистрирует стабильность: *«Всё в порядке. Жизнь продолжается. Мир устроен разумно»*. Ты путаешь теорию вероятностей с собственной неуязвимостью. Ты проецируешь статистическую череду белых шаров в бесконечность, формируя галлюцинацию гарантированного завтрашнего дня.

Но лотерея слепа. У неё нет памяти о предыдущих бросках. Тот факт, что ты вытягивал белые шары двадцать, тридцать или сорок лет подряд, ни на йоту не снижает вероятность того, что следующий шар окажется абсолютно чёрным.

Хаос не объявляет о своём приближении. Он не посылает знамений, не предупреждает сиренами и не даёт времени на пафосный внутренний монолог. Он просто меняет параметры системы за одну миллисекунду.

Ты не находишься в безопасности. Ты никогда в ней не был. Твой стеклянный скафандр открыт всем ветрам термодинамики, и единственный закон, гарантирующий твоё текущее дыхание — это слепой закон больших чисел, который в любой момент вынесет свой рутинный вердикт.

Апофегма

Безопасность — это наркоз, который мозг выписывает самому себе, чтобы не видеть очевидного: вся твоя жизнь — это не крепость, а затянувшаяся пауза между двумя ударами слепой кинетики.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Слепая рулетка энтропии: мир без сценария и сюжетной брони

I. О галлюцинации главного героя

Каждый примат внутри собственной черепной коробки проживает жизнь как центральный персонаж эпического повествования.

Культура, литература и миллионы просмотренных экранов встроили в неокортекс жесткий шаблон: у любой истории обязана быть драматургия. Должна быть завязка, преодоление препятствий, личностный рост, кульминация и осмысленный, заслуженный финал. Человек инстинктивно проецирует законы сценарного мастерства на слепую физику материи.

В интерфейсе это выглядит как железобетонная уверенность в собственной «сюжетной броне». Ты можешь признавать, что люди вокруг смертны, но в глубине синапсов шепчет нарциссический голос: *«Моя жизнь — это разворачивающийся проект. Я ещё не сказал своего главного слова. Я не реализовал потенциал. Мир не может оборвать эту ленту прямо сейчас, посреди второго акта»*.

Это самая нелепая иллюзия, порождённая человеческим эго.

Вселенная не является литературным произведением. У неё нет режиссёра, нет драматургической дуги и нет обязательства предоставить тебе экранное время для финального монолога. В объективной реальности ты не протагонист. Ты — временный белковый узел на пути слепых векторов гравитации, термодинамики и биохимии.

И если траектория падающей бетонной плиты пересечется с координатами твоего черепа, физика произведет механический расчет за долю секунды — без оглядки на то, на какой главе оборвался твой внутренний роман.

II. О мифе «несвоевременности»

Когда особь погибает на взлёте, стая собирается у гроба и воспроизводит один и тот же шаблонный речевой шум: *«Как несправедливо», «Он ушёл слишком рано», «Столько планов осталось нереализовано», «Ему было всего двадцать»*.

Слово «несвоевременно» — это чистый синтаксический мираж.

Термодинамика не оперирует понятием времени с точки зрения человеческих ожиданий. Оторвавшийся тромб, сорвавшийся тормозной трос или летальный штамм вируса не сверяются с твоим ежедневником. Они не проверяют:

— Куплены ли билеты на самолёт на следующий месяц.
— Выплачена ли ипотека за бетонную ячейку.
— Сколько глав в твоей рукописи осталось недописано.
— Пошли ли твои дети в школу.
— Успел ли ты помириться с теми, кого обидел.

Все эти структуры — билеты, рукописи, обиды, дети, карьерные ступени — существуют исключительно как слабые электрохимические паттерны в твоей памяти и в памяти окружающих особей. За пределами человеческого восприятия их вес равен абсолютному нулю.

Смерть семилетнего ребёнка и смерть девяностолетнего старика подчиняются одним и тем же законам распада органики. Скорость лизиса клеток и денатурации белка абсолютно одинакова в обоих случаях. Природе глубоко безразлично, сколько ненаписанных страниц сгорело вместе с серым веществом — для неё это просто очередная порция углерода, вернувшаяся в общий цикл энтропии.

III. Физика не знает ненависти

Столкнувшись с внезапной летальной угрозой — онкологическим диагнозом, катастрофой, слепой пулей, — ум моментально включает инфантильный поиск высшей причинности.

«За что? Почему именно я? В чём моя вина? Это испытание или кара?»

Это отчаянная попытка Эго вернуть контроль над ситуацией. Примату психологически легче поверить в то, что его наказывает разгневанное божество или «злая судьба», чем принять ледяной, невыносимый факт: **он попал под удар абсолютно слепого механизма**.

Падающий с крыши кусок льда не испытывает к тебе личной неприязни. Мутировавшая клетка эпителия не ставит перед собой задачу уничтожить носителя из мести. Пьяный водитель, вылетевший на встречную полосу, не выбирал твой автомобиль по моральным критериям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.